

АРХИВ
ПАМЯТИ
2147

ПОСЛЕДНИЙ ЧЕЛОВЕК, КОТОРОГО НЕ БЫЛО

ПЕСТЕРЕВА АЛИНА

НАУЧНО-ФАНАСТИЧЕСКИЙ ТРИЛЛЕР

Алина Пестерева

Последний человек, которого не было

<https://litres.ru/74219228>

SelfPub; 2026

Аннотация

В 2147 году смерть перестала быть окончательной. Сознание человека можно сохранить в системе «Архив», где цифровая копия продолжает помнить, чувствовать и общаться с живыми. Для Даниэля Вейса чужая вечность стала обычной работой: он расследует сбои, восстанавливает поврежденные воспоминания и знает, что у каждой аномалии есть разумное объяснение.

Но однажды на его терминале появляется сообщение от девушки, которой нет ни в одной базе:

«Ты должен найти меня до того, как вспомнишь, что сам умер».

Вскоре люди начинают забывать разговоры с Даниэлем, камеры перестают его фиксировать, а документы о его прошлом противоречат друг другу. Чем ближе он подходит к неизвестной девушке, тем сильнее меняется знакомый мир.

Чтобы найти ее, Даниэлю придется выяснить, кому принадлежат его воспоминания и какую правду скрывает Архив.

Содержание

ЧАСТЬ I. СБОЙ	4
Глава 1. Сообщение от мертвой	4
Глава 2. Человек без имени	18
Глава 3. Пропавшие десять минут	30
Глава 4. Камера его не видит	42
Глава 5. Биография с пустыми страницами	56
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Алина Пестерева

Последний человек, которого не было

ЧАСТЬ I. СБОЙ

Глава 1. Сообщение от мертвой

Утро в Северном секторе начиналось без солнца. Не потому, что город накрывали облака. Солнце здесь просто редко попадало между башнями. Оно вспыхивало на стеклянных ребрах верхних этажей, дробилось в зеркальных фасадах и исчезало задолго до того, как его свет достигал пешеходных уровней. Даниэль Вейс вышел из дома в семь сорок три, как делал почти каждый рабочий день. Дверь квартиры закрылась за его спиной без щелчка. В стене на мгновение загорелась зеленая полоса.

- Хорошего дня, Даниэль.
- Ты говоришь это каждый день, - заметил он.
- Согласно статистике, повторение доброжелательных формулировок повышает субъективную оценку утра на четыре целых две десятых процента.

Даниэль остановился у лифта.

- Тогда завтра скажи, что день будет ужасным. Проверим обратную зависимость.

Домовой интеллект промолчал ровно столько, сколько требовалось для имитации сомнения.

- Я внесу это в список нежелательных экспериментов.

Даниэль усмехнулся и вошел в кабину. На уровне улицы пахло кофе, озоном после ночной мойки мостовой и чем-то сладким из автоматической пекарни напротив. Люди шли к транспортным линиям, не поднимая глаз. Над дорогой бесшумно скользили капсулы. На прозрачных остановках мелькали новости: открытие нового мемориального сектора Архива, голосование по закону о посмертном наследовании цифровой личности, реклама семейной подписки на общение с умершими родственниками.

Город просыпался слоями. Верхние уровни, где жили те, кто мог позволить себе окна с настоящим горизонтом, уже купались в свете. Ниже, на высоте старых двадцатипятиэтажных домов, день существовал в отражениях: стекло ловило солнце и передавало его следующему фасаду, как плохо запомненную историю. У земли оставался искусственный рассвет от рекламных панелей и теплых полос под карнизами. Даниэль любил именно этот час. В нем город еще не успевал стать шумным и казался честнее, чем днем.

У входа в транспортный узел женщина лет шестидесяти стояла перед мемориальной кабиной. На прозрачной стенке

было видно лицо молодого мужчины. Он улыбался, что-то рассказывал, время от времени касался пальцами невидимого стекла с той стороны. Женщина слушала, прижав ладонь к груди. Рядом терпеливо ждал ребенок, слишком маленький, чтобы понимать, почему бабушка каждое утро опаздывает из-за разговора с человеком, умершим двенадцать лет назад.

Никто не оборачивался. Разговоры с мертвыми давно перестали быть зрелищем. Когда-то мемориальные сеансы проводили в специальных центрах, под наблюдением психологов, и журналисты спорили, имеет ли цифровая копия право называться человеком. Потом появились домашние терминалы, личные каналы, семейные тарифы. Теперь покойные напоминали о днях рождения, советовали, какой выбрать диван, спорили из-за наследства и обижались, если им долго не звонили. Смерть стала менее окончательной, но, как часто думал Даниэль, от этого не сделалась понятнее.

У него самого в списке контактов было два имени с зеленой точкой доступности, которых он старательно не замечал по восемь, иногда по девять месяцев. Хелен Вейс. Мартин Вейс. Мать и отец. Он платил за хранение их моделей автоматически, хотя оба счета можно было перевести на бесплатный мемориальный режим. В таком режиме личности просыпались только по запросу, не переживали течение времени и не замечали пауз между разговорами. Даниэль почему-то не мог на это решиться. Ему казалось жестоким выключить родителей, даже если теоретически для них между

двумя включениями не проходило ни секунды.

Он не любил думать, что именно означало это чувство. Любовь к родителям или вина перед точными, убедительными копиями людей, которых он любил? В работе подобные вопросы считались философскими и потому бесполезными. Поврежденную память можно было восстановить. Конфликт ассоциаций - развести по разным слоям. Потерянный голос - собрать из архивных записей. На вопрос, оставался ли восстановленный человек тем же человеком, программный комплекс ответа не давал.

Даниэль предпочитал вопросы, которые можно было закрыть тикетом.

«Сохраните близких такими, какими вы их помните». Даниэль видел эту фразу сотни раз. Он купил кофе у киоска, хотя дома стояла машина, которая готовила его лучше. Утренний маршрут без бумажного стакана казался ему незаконченным. Продавец, пожилой мужчина с живыми руками и настоящей седой бородой, протянул напиток через окно.

- Двойной без сахара.

- Я когда-нибудь заказывал что-то другое?

- Один раз попросили какао.

Даниэль нахмурился.

- Я?

- Нет. Мужчина за вами.

Продавец рассмеялся. Даниэль тоже, хотя шутка была плохой. В семь пятьдесят восемь он уже стоял у входа в

Центральное управление Архива. Здание было старше большинства окружающих небоскребов. Невысокое, темное, почти лишенное окон. Его построили еще до того, как Архив стал частью повседневности. Тогда люди боялись самой идеи цифрового продолжения жизни. Теперь возле главного входа стояли очереди из семей, которые приходили на встречи с умершими так же спокойно, как столетием раньше ходили на кладбища.

Сканер узнал Даниэля по походке до того, как он приблизился к турникету. Внутри было прохладно.

- Опять пришел раньше, - сказала Мира Келлер, не отрываясь от терминала.

Она сидела за соседним столом, окруженная тремя полупрозрачными экранами. На одном вращалась карта нейронной структуры, на втором шел список обращений, на третьем - запись разговора пожилой женщины с цифровой копией мужа.

- На три минуты, - ответил Даниэль.

- В прошлый раз на пять.

- Деградирую.

Мира повернулась к нему.

- Я начинаю подозревать, что у тебя есть личная жизнь.

- Не распространяй слухи.

Отдел когнитивной целостности занимался тем, о чем пользователи Архива предпочитали не думать. Память цифрового сознания могла повреждаться. Иногда умерший за-

бывал последние месяцы жизни. Иногда отвечал фразами, которых никогда не говорил. В редких случаях личность начинала смешивать чужие воспоминания со своими.

Работа редко выглядела драматично. Большинство сбоев были скучными, почти бытовыми, и именно поэтому пугали сильнее крупных аварий. Человек мог забыть вкус любимой еды, перестать узнавать песню, под которую когда-то танцевал на собственной свадьбе, или начать уверенно помнить поездку, которой никогда не было. Родственники воспринимали подобные ошибки как болезнь. Иногда - как предательство.

За месяц до этого Даниэлю попалось дело женщины по имени Клара Зайферт. Ее загрузили в Архив после тяжелой операции, которую она не пережила. Через три года сын пожаловался: мать утверждала, что в детстве он сломал руку, упав с яблони. Сын клялся, что никакой яблони возле их дома не было. В семейном архиве сохранилась фотография двора. На ней действительно не было дерева.

Технически задача решалась за семь минут. Нужно было пометить эпизод как ложную реконструкцию, удалить связи и восстановить участок памяти по соседним данным. Даниэль уже подготовил патч, когда Клара попросила поговорить с ним напрямую.

На экране появилась пожилая женщина в синем халате. Она сидела на кухне, которую система собрала по десяткам старых фотографий. За ее плечом висели часы. Стрелки не

двигались.

- Вы хотите забрать у меня день, который я помню, - сказала она.

- Я хочу исправить ошибку.

- Для кого?

Даниэль тогда не нашел быстрого ответа.

Клара помнила не только падение. Она помнила, как несла сына в ванную, как смывала кровь с его ладони, как сосед дал им старое полотенце. Помнила запах мокрой земли после дождя и зеленое яблоко, которое мальчик продолжал сжимать в здоровой руке. Все это было ложью. Но внутри ее сознания ложь имела вес, температуру, запах и причиняла настоящую нежность.

Даниэль оставил память нетронутой. В отчете написал, что расхождение не влияет на функциональную целостность личности. Сын пожаловался руководству. Мира неделю называла его защитником вымышленных яблонь.

Именно поэтому, когда в очереди появлялось что-то по-настоящему невозможное, он сначала искал скучную причину. Скучные причины были безопасными. Они не требовали пересматривать устройство мира.

Система исправляла большинство ошибок автоматически. Все остальное попадало к людям вроде Даниэля. Он поставил кофе справа от клавиатуры, сел и открыл очередь. Сорок два обращения. Первое было простым. Цифровая копия мужчины по имени Йозеф Марин три раза подряд называла

дочь именем своей сестры. Даниэль просмотрел карту памяти, нашел конфликт в ассоциативном блоке и отправил его на восстановление из резервной копии.

Второе обращение заняло двадцать минут. Третье оказалось ложным: семья была уверена, что их умершая бабушка стала «слишком грубой». Архив поднял записи ее разговоров при жизни. Бабушка всегда была грубой. К одиннадцати Даниэль успел забыть о времени.

- Обед? - спросила Мира.

- Через десять минут.

- Ты говорил это двадцать минут назад.

- Значит, еще десять.

Она поднялась.

- Когда-нибудь тебя загрузят сюда после смерти, и ты продолжишь работать.

- При условии, что мне дадут доступ администратора.

- У тебя в раю очень странные требования.

Мира ушла. Даниэль открыл следующее обращение. На экране не было имени. Он сначала решил, что интерфейс не успел загрузить данные. Подождал. Поле оставалось пустым.

Идентификатор записи состоял из нулей. Даниэль выпрямился. Такого не должно было быть. Даже удаленные личности сохраняли технический номер. Нули использовались только в тестовой среде. Он открыл журнал происхождения обращения.

Пусто. Источник - неизвестен. Время создания - отсут-

ствует. Даниэль попробовал закрыть окно. Оно не закрылось.

- Очень смешно, - пробормотал он.

Он решил, что кто-то из технического отдела тестирует новую систему уведомлений. Ввел команду принудительного завершения процесса. Экран погас. Через секунду появилась строка текста.

«Даниэль?»

Он не двигался. Курсор мигал в конце строки.

«Ты меня видишь?»

Даниэль быстро проверил сетевой журнал. Входящего соединения не было.

- Служебный канал семь, идентификация отправителя, - сказал он вслух.

Система ответила спокойным женским голосом:

- Активных соединений не обнаружено.

На экране появилась новая строка. «Не проси систему искать меня». Даниэль почувствовал, как по спине прошел холод. Он оглянулся. В отделе работали еще восемь человек. Никто не смотрел в его сторону.

Он напечатал:

«Кто вы?»

Ответ появился почти сразу. «У тебя мало времени».

«Для чего?»

Пауза. Даниэль услышал, как за соседним столом кто-то рассмеялся. В коридоре проехала сервисная платформа.

Обычный рабочий день продолжался, будто его экран не делал невозможное. «Ты должен найти меня». «Назовите имя».

Ответа не было. Он подождал десять секунд. Двадцать. Затем появились последние слова. «Найди меня до того, как вспомнишь, что сам умер».

Слова остались на внутренней стороне зрения, даже когда строка исчезла. Даниэль моргнул несколько раз и посмотрел на свое отражение в темном краю монитора. Лицо было его. Чуть впалые щеки после двух недель плохого сна, тонкий шрам у подбородка, который он получил в девять лет, когда поскользнулся возле бассейна. Он машинально провел по шраму пальцем. Кожа была теплая.

Сердце продолжало биться. Он знал, что это ничего не доказывает, и разозлился на себя за самую мысль.

В Архиве существовали среды, где цифровая личность не знала о своем состоянии. Их использовали в терапии первых поколений загрузок, когда резкий переход от физической жизни к цифровому существованию вызывал тяжелые психические реакции. Человек просыпался в реконструкции собственного дома, завтракал, выходил на улицу и только потом, постепенно, узнавал правду. Практика давно считалась неэтичной и почти не применялась.

Даниэль заставил себя вспомнить утро по порядку. Душ. Кофе дома не пил. Лифт. Продавец у киоска. Турникет узнал его по походке. Мира сидела за соседним столом. Сорок два

обращения. Йозеф Марин.

Он помнил все. По крайней мере, ему казалось, что помнил.

Мысль была настолько неприятной, что он тут же открыл диагностическое окно и проверил собственный служебный профиль. Биометрические параметры отображались нормально. Сердечный ритм - восемьдесят девять. Температура - тридцать шесть и семь. Уровень стресса повышен. Внизу система предложила дыхательное упражнение.

Даниэль закрыл окно.

На секунду ему захотелось позвать Миру и просто показать пустой экран. Потом он представил, как будет произносить это вслух: неизвестный канал, нулевой идентификатор, сообщение о собственной смерти. Он слишком хорошо знал, как выглядит человек, который пытается доказать, что с ним все в порядке.

Поэтому он сделал то, что делал всегда, когда реальность вела себя неправильно.

Начал собирать доказательства.

Даниэль перечитал сообщение дважды. Потом еще раз. Он машинально коснулся запястья, проверяя пульс. Чувствовал удары. Ровные, чуть ускоренные.

- Что за чушь...

Окно исчезло. На его месте снова открылась очередь обращений. Сорок два. Даниэль нахмурился. Он уже обработал три. Обновил страницу.

Сорок два. Йозеф Марин снова стоял первым в списке. Даниэль открыл его дело. Конфликт памяти был на месте, будто он никогда не исправлял его. Сзади раздался голос Миры:

- Ты чего такой бледный?

Даниэль резко обернулся. Она держала две чашки кофе.

- Ты уже вернулась?

Мира посмотрела на него непонимающе.

- Откуда?

- С обеда.

- Даниэль, сейчас одиннадцать ноль семь.

Он посмотрел на часы.

11:07.

На стакане рядом с клавиатурой кофе был еще теплым.

- Ты только что спрашивала, пойду ли я обедать.

- Нет.

- Ты сказала, что меня когда-нибудь загрузят в Архив и я продолжу работать.

Мира несколько секунд молчала.

- Звучит похоже на меня, но я этого не говорила.

Она поставила одну чашку на его стол.

- Ты точно нормально спал?

Даниэль посмотрел на экран. В нижнем углу на долю секунды появилась маленькая белая точка. И исчезла.

После работы Даниэль вышел из здания позже обычного. Город уже перешел в вечерний режим: реклама стала тише,

транспортные линии светились тонкими полосами, окна ресторанов отражались в мокром покрытии улиц. Он шел домой тем же маршрутом, но впервые замечал камеры.

Они были везде. На остановках, в дверях, над перекрестками. Раньше их присутствие не беспокоило. Система наблюдала, чтобы оптимизировать движение, находить потерявшихся детей, вызывать помощь при падении пожилого человека. Теперь каждая темная линза казалась глазом.

У кофейного киоска продавец уже закрывал ставни.

- Поздно сегодня, - сказал он.

- Было много работы.

- Сорок два?

Даниэль остановился.

- Что?

Продавец пожал плечами.

- Вы каждый раз говорите, что у вас сорок два дела, когда задерживаетесь.

- Каждый раз?

- Ну, часто.

Даниэль попытался вспомнить хоть один подобный разговор. Не смог.

- Вы уверены?

Мужчина посмотрел внимательнее.

- Молодой человек, я могу забыть собственный пароль, но ваши жалобы на работу слышу годами.

Он рассмеялся.

Даниэль тоже улыбнулся, хотя внутри снова появилось неприятное напряжение.

По дороге домой он несколько раз пытался восстановить предыдущие вечера. Видел общий образ: темная улица, кофе, киоск. Но ни одной конкретной фразы продавца.

В квартире домашняя система пожелала ему хорошего вечера.

- Что я обычно отвечаю? - спросил Даниэль.
- В восьмидесяти двух процентах случаев вы не отвечаете.
- А в остальных?
- Формулировки различаются.
- Приведи пример.

Пауза.

- История голосовых взаимодействий старше девяноста дней недоступна.

Даниэль нахмурился.

- Почему?
- В соответствии с настройками пользователя.

Он не помнил, чтобы менял настройки.

В ту ночь он впервые не выключил свет в спальне.

Глава 2. Человек без имени

Первое, что сделал Даниэль, когда Мира вернулась к своему столу, - проверил историю действий. В журнале не было ничего. Ни обработанного дела Йозефа Марина, ни попытки закрыть неизвестное окно, ни команд, которые он вводил. Между 10:58 и 11:07 система показывала обычную активность: курсор перемещался, несколько раз открывался внутренний справочник, затем экран бездействовал. Девять минут его рабочего дня будто не существовали.

Он не поверил журналу и принялся проверять вещи, которые система не могла переписать незаметно. По крайней мере, он надеялся, что не могла.

Кофе. В 10:58 стакан был почти полным. Он помнил это, потому что перед открытием неизвестного обращения сделал глоток и обжег язык. Теперь жидкости оставалось меньше половины. Даниэль поднял стакан, понюхал, попробовал. Кофе успел остыть, на картонном краю остался след от его губ. Девять минут кто-то продолжал пить его кофе.

Он проверил шагомер. Сто восемьдесят четыре шага между 10:58 и 11:07. Кабинет отдела имел двадцать один метр от стены до стены. Чтобы пройти сто восемьдесят четыре шага, ему пришлось бы несколько раз выйти в коридор или бессмысленно ходить кругами вокруг столов.

На запястье обнаружилась тонкая красная полоса, будто

он слишком сильно затянул ремешок терминала. Даниэль ремешок не носил.

Он ушел в туалет, запер кабинку и внимательно осмотрел себя, чувствуя себя одновременно врачом и идиотом. На правой ладони - едва заметная царапина. На подошве ботинка - светлая строительная пыль. В здании Управления все технические помещения покрывали черным полимером. Светлая пыль встречалась только в старом крыле, закрытом на реконструкцию.

Даниэль сфотографировал подошву.

Потом несколько секунд смотрел на снимок и поймал себя на странной мысли: если девять минут можно удалить из журнала, почему нельзя удалить фотографию? Если можно изменить память системы, почему нельзя изменить его собственную?

Он сохранил копию на три разных носителя. Один спрятал в шкафчике, второй положил в карман, третий отправил на старый адрес, которым не пользовался со времен университета.

Рациональность успокаивала только до тех пор, пока у нее был предел. В тот день предел оказался ближе, чем обычно.

Даниэль выгрузил локальный лог на защищенный носитель и убрал его во внутренний карман.

- Ты стал параноиком? - спросила Мира.
- Я всегда им был.
- Тогда поздравляю с прогрессом.

Он не стал рассказывать ей о сообщении. Не потому, что не доверял. Просто любая нормальная версия происходящего звучала слишком нелепо. Техническая шутка. Ошибка интерфейса. Усталость. Кто-то получил доступ к его терминалу.

Последнее объяснение было самым неприятным, но хотя бы оставалось реальным. До конца дня Даниэль работал медленнее обычного. Каждый раз, когда экран мигал, он напрягался. Сообщение больше не появлялось. В шестнадцать сорок он закрыл последнее дело и отправился в архивный отдел идентификации. Помещение находилось на минус четвертом уровне. Здесь не было окон, а свет автоматически становился мягче, чтобы сотрудники меньше уставали от экранов.

За стойкой сидел Элиас Рот, специалист по реестрам, человек с лицом, которое всегда выражало легкое недовольство существованием мира.

- Мне нужна проверка идентификатора, - сказал Даниэль.
- У тебя есть доступ.
- Не к системным нулям.

Элиас перестал печатать.

- Каким нулям?

Даниэль протянул носитель.

- Посмотри.

Элиас подключил его к изолированному терминалу. На экране появилась копия журнала.

- Здесь нет обращения.
- Знаю.
- Тогда что я должен смотреть?

Даниэль указал на небольшой фрагмент данных, который успел сохранить до исчезновения окна. Идентификатор действительно состоял из нулей. Элиас нахмурился.

- Это тестовая метка.
- В рабочей сети?
- Не бывает.
- Сегодня была.

Элиас увеличил запись.

- Откуда ты ее взял?
- С моего терминала.
- Кто отправитель?
- Поэтому я здесь.

Элиас несколько раз ввел команды, открыл таблицу маршрутизации, затем еще одну.

- Интересно.
- Что?
- У пакета нет маршрута.
- Я вижу.
- Нет, ты не понял. Вообще нет. Не скрыт, не поврежден.

Данные появились внутри твоего сеанса без точки входа.

- Значит, локальная инъекция.
- Тогда была бы запись процесса.

Даниэль молчал. Элиас посмотрел на него.

- Что там было?
- Спам.
- Спам с нулевым идентификатором?
- Очень талантливый спам.

Элиас снял очки, хотя зрение у него было исправлено еще в детстве. Он носил их по привычке.

- Я могу прогнать сигнатуру через закрытые сектора.
- Сделай.
- Тебе придется оставить запрос. Он попадет в журнал.

Даниэль подумал о фразе на экране: «Не проси систему искать меня».

- Тогда не надо.
- Ты пришел ко мне именно за этим.
- Я передумал.

Элиас пожал плечами.

- Люблю содержательные разговоры.

Даниэль забрал носитель и направился к двери.

- Вейс.

Он обернулся. Элиас смотрел на экран.

- Есть одна странность.
- Какая?
- Формат метки старый.
- Насколько?

- Очень. Такие идентификаторы использовали до перехода на распределенную архитектуру. Лет восемьдесят назад. Даниэль вернулся к столу.

- Но это же нули.
 - Нули тоже бывают разных типов.
 - Прекрасно. Теперь я боюсь нулей профессионально.
- Элиас не улыбнулся.

- Эта метка относится к внутреннему служебному пространству. По документации сектор давно ликвидирован.

Элиас увеличил схему, и на экране появилась архитектура старой версии Архива. Большая часть линий была перечеркнута серым. Некоторые модули имели пометки о переносе, некоторые - о физическом демонтаже. Сектор L-0 находился ниже служебных слоев, которые Даниэль знал по работе, и не соединялся ни с одной современной системой.

- Когда его закрыли? - спросил Даниэль.

Элиас ввел запрос. Ответ не появился.

- Хороший вопрос.

- Это твой профессиональный способ сказать, что ты не знаешь?

- Это мой профессиональный способ сказать, что база делает вид, будто вопроса не существует.

Он открыл резервный каталог, затем еще один. В старой документации сектор упоминался всего три раза. Один документ датировался периодом, когда Архив еще управлялся международным консорциумом. Второй был поврежден. Третий содержал только короткую строку: «L-0. Контур долговременного восстановления. Доступ ограничен».

- Что восстанавливали? - спросил Даниэль.

- Не написано.

- Людей?

Элиас посмотрел на него поверх очков.

- В Архиве обычно восстанавливают не мебель.

Шутка прозвучала сухо, но после нее оба замолчали. На соседних терминалах тихо щелкали реле охлаждения. Где-то за стеной прошла грузовая платформа, и пол едва заметно дрогнул.

Даниэль вдруг вспомнил, что здание Управления строили поэтапно. Первые уровни уходили под землю гораздо глубже, чем показывали современные планы. Во время вводного обучения им говорили, что нижние шахты законсервированы из-за устаревшей энергетической инфраструктуры. Никто из сотрудников не проявлял интереса. В мире, где миллиарды цифровых сознаний хранились в распределенных центрах, заброшенный подвал казался самой обычной вещью.

Теперь Даниэль смотрел на серую прямоугольную область с подписью L-0 и думал о светлой пыли на подошве ботинка.

- Проверь журнал доступа в старое крыло между десятую пятидесятью и одиннадцатую десятую.

Элиас поднял брови.

- Ты говорил, что это спам.

- Спам эволюционировал.

Через минуту на экране появилась таблица.

В 11:01 дверь старого крыла открывалась.

Идентификатор сотрудника отсутствовал.

Даниэль почувствовал, как внутри все становится холодным.

В 11:06 дверь закрылась.

Пять минут.

Из его памяти исчезло девять.

- Название?

Элиас повернул экран. На нем была короткая строка:
SECTOR L-0.

- Нулевой сектор? - спросил Даниэль.

- Не знаю. В нынешней архитектуре такого нет.

- А раньше?

- Записи закрыты.

- У меня уровень доступа семь.

- Здесь нужен девятый.

Даниэль присвистнул. Девятый уровень имели директор Архива, два члена Совета и несколько людей, имена которых не публиковались.

- Можно хотя бы узнать, когда сектор отключили?

Элиас снова ввел запрос. Экран мигнул. «Доступ запрещен».

- Похоже, нет.

Даниэль вернулся к себе после семи вечера. В отделе почти никого не осталось. Мира собирала вещи.

- Ты еще здесь?

- Уже нет.

Она надела пальто.

- Завтра не приходи раньше меня. Мне будет неприятно нарушать традицию.

- Постараюсь пережить.

Когда дверь за ней закрылась, Даниэль сел за терминал. Он знал, что делает глупость. Ввел в поиск: SECTOR L-0. Ничего. Попробовал старые архивные обозначения. Ничего.

Затем отключил автоматическую фильтрацию и запросил сырые индексы за последние сто лет. Система зависла на несколько секунд. Появился один результат. Файл без названия. Дата создания: 2069 год. Размер: 12 байт.

Даниэль открыл его. Внутри было одно слово.

LEA.

Имя выглядело слишком простым для всего, что происходило. Четыре буквы. Даниэль ввел его снова, добавил варианты написания, проверил старые реестры сотрудников, архивные проекты, пользовательские псевдонимы. Лея могла быть человеком, программой, названием протокола, аббревиатурой. Система не находила ничего.

Он просидел в идентификационном отделе до тех пор, пока автоматическое освещение не перешло в ночной режим. Свет стал теплее, коридоры опустели. Элиас ушел час назад, предупредив, что официально они никогда не разговаривали о секторе L-0. Перед уходом он дважды оглянулся на дверь, чего Даниэль за ним раньше не замечал.

В 22:17 Даниэль попробовал поискать имя за предела-

ми служебной сети. Миллионы результатов: музыканты, ученые, дети, умершие, живые, цифровые личности. Он добавил нулевой идентификатор. Ничего. Добавил фразу из сообщения. Ничего.

Он уже собирался выключить терминал, когда в поисковой строке сами собой появились две буквы.

L E

Даниэль убрал руки от клавиатуры.

Следом возникла A.

LEA.

Курсор мигнул.

На мгновение Даниэлю показалось, что по ту сторону экрана кто-то ждет, пока он поймет сам.

- Кто ты? - тихо спросил он.

Ответа не было.

Но индикатор камеры над монитором загорелся, и Даниэль впервые почувствовал не страх перед взломанной системой, а неприятное, почти физическое ощущение чужого присутствия. Как если бы он находился в темной комнате и только сейчас услышал дыхание человека, который все это время стоял у него за спиной.

Лея. Он почувствовал, как дыхание стало тише. В этот момент за спиной кто-то прошел. Даниэль обернулся. Коридор был пуст. Он снова посмотрел на экран.

Файл исчез. В поисковой строке оставалось имя.

LEA.

Даниэль нажал Enter еще раз. Ноль результатов. Он не заметил, как в верхнем углу терминала загорелся индикатор камеры. Горел он всего две секунды. Потом погас.

По дороге домой Даниэль заехал в старое крыло Управления.

Официально оно было закрыто, но служебная дверь открылась его пропуском. Коридор за ней не освещался автоматически. Пришлось включить фонарь.

Светлая пыль на полу была такой же, как на подошве его ботинка.

Даниэль остановился.

Следы начинались у двери и уходили вглубь коридора. Один набор отпечатков.

Его размер обуви.

Он присел. Пыль была нарушена недавно. Отпечатки вели к лестнице вниз.

Даниэль сделал фотографию.

На экране телефона следы не отображались.

Он посмотрел глазами.

Были.

Снова через камеру.

Чистый пол.

Даниэль убрал телефон и пошел по следам.

Лестница закончилась металлической дверью без обозначений. На стене рядом сохранился старый номер уровня: -7. Современные планы здания заканчивались на -4.

Он коснулся ручки.

С другой стороны раздался звук.

Не шаги.

Три тихих удара.

Те же, что позже услышит у двери квартиры.

Даниэль отдернул руку.

На телефоне появилось сообщение от неизвестного от-
правителя.

«Не сейчас».

Он стоял в темном коридоре, глядя на два слова.

Потом медленно поднялся обратно.

На следующий день в плане здания уровня -7 не было.

Глава 3. Пропавшие десять минут

Даниэль проснулся в четыре двадцать семь. На потолке медленно двигались отражения городских огней. Он лежал неподвижно, пытаясь понять, что его разбудило. Тишина. Потом домашняя система произнесла:

- Вы хотели что-то сказать?

Даниэль сел.

- Нет.

- Я зафиксировала голосовую активность.

Домовая система сохранила семь секунд звука. Даниэль включил воспроизведение.

Сначала были только шорох простыни и далекий гул вентиляции. Потом раздался его голос.

Очень тихий.

- Нет. Еще рано.

Даниэль остановил запись.

Он помнил собственный голос достаточно хорошо, чтобы не сомневаться. Тембр, легкая хрипота после сна, привычка проглатывать последнюю согласную. Говорил он.

- Кому я отвечал? - спросил Даниэль.

- Других голосов не зафиксировано.

Он воспроизвел запись еще раз.

«Нет. Еще рано».

Фраза не звучала как бессвязный разговор во сне. В ней

была интонация человека, который слышит вопрос и не хочет отвечать. На втором прослушивании Даниэль заметил короткий вдох перед словами. На третьем - едва различимый звук в самом конце. Он увеличил громкость.

Похожее на женский шепот.

Всего два слога, слишком тихих для распознавания.

Даниэль отправил фрагмент в акустический анализатор. Система очистила шум, усилила частоты и сообщила: «Человеческая речь не обнаружена».

Он послушал снова.

Теперь шепот исчез.

Даниэль открыл исходный файл. Там тоже ничего не было.

Он сидел на кровати, глядя на темное окно. В стекле отражалась комната, привычная до мелочей: стул с брошенной рубашкой, стакан воды, красный индикатор зарядки телефона. Отражение выглядело надежнее реальности только потому, что не двигалось.

До рассвета он больше не лег.

- Что я сказал?

- Распознавание не выполнено.

- Воспроизведи запись.

Пауза.

- Запись отсутствует.

Даниэль посмотрел в темноту.

- Тогда откуда ты знаешь, что я говорил?

- Событие отмечено в журнале аудиоактивности.

- Покажи.

На стене появился интерфейс. 04:26:51 - обнаружен голос. Длительность: три секунды. Аудиофайл отсутствовал. Он закрыл окно. До утра больше не уснул.

На работе Мира встретила его вопросом:

- Ты заболел?

- Нет.

- Выглядишь как человек, который всю ночь спорил с холодильником.

- С домом.

- Кто победил?

- Дом.

Она протянула ему маленькую упаковку таблеток.

- Возьми.

- Что это?

- Нормальный кофе в твердой форме.

Даниэль прочитал этикетку.

- Витамины.

- Не разрушай легенду.

До полудня ничего необычного не происходило. Даниэль почти убедил себя, что последние два дня были цепочкой технических сбоев. Он даже составил список возможных причин. Неизвестное сообщение могло быть результатом зараженного модуля. Провал журнала - ошибкой синхронизации. Файл LEA - остатком старой базы.

Каждому событию находилось объяснение. Проблема была в том, что вместе они выглядели как чья-то рука, которая осторожно касалась его мира изнутри. В 12:14 он пошел в комнату диагностики на плановую проверку терминалов. Техник по имени Ноа попросил его оставить рабочее место на десять минут.

- Наконец-то официальный повод ничего не делать, - сказал Даниэль.

- Постарайся не привыкнуть.

Он вышел в коридор. Дальше его память обрывалась. Следующее, что он помнил, - он стоял перед зеркальной стеной в комнате отдыха и держал стакан воды. Часы показывали 12:27. Даниэль посмотрел на стакан. Он не помнил, как наливал воду.

Не помнил, как дошел до комнаты. Не помнил тринадцать минут. Сначала он решил, что просто задумался. Человек способен пройти знакомый маршрут автоматически. Но внутри сразу возникло неприятное ощущение, слишком похожее на то, что он пережил после сообщения. Он поставил стакан.

- Система, покажи мой маршрут за последние двадцать минут.

- Уточните запрос.

- Внутреннее позиционирование. С 12:07 до текущего момента.

На стене появилась схема этажа. Синяя линия вела от его

рабочего места к комнате диагностики. Потом линия обрывалась. Через десять минут появлялась возле комнаты отдыха. Даниэль почувствовал сухость во рту.

- Где данные между 12:16 и 12:26?
- Данные отсутствуют.
- Камеры.
- Уточните.
- Покажи записи коридора С-4 за это время.

Видео открылось сразу. 12:15:48. Даниэль выходит из комнаты диагностики. Идет по коридору. На 12:16:03 изображение дергается. Коридор пуст.

Даниэль перемотал назад. Снова. Он был в кадре, сделал шаг вперед - и исчез. Не ушел за угол. Не растворился постепенно. Один кадр - есть.

Следующий - нет. Запись продолжалась. Люди проходили по коридору. Через десять минут камера возле комнаты отдыха зафиксировала, как Даниэль появляется в кадре у стены. Он не вошел ни с одной стороны. Просто появился между двумя кадрами.

Даниэль выключил видео. Сердце билось слишком быстро. Он проверил соседние камеры. Одна из них оказалась недоступна. Вторая показывала пустой коридор. Третья сохранила странный фрагмент.

В 12:20 Даниэль стоял в небольшой переговорной комнате, которой почти никто не пользовался. Напротив него был пустой стул. Он разговаривал. Даниэль включил звук.

- Нет, - говорил человек на записи. Его собственный голос звучал глухо. - Я не верю тебе.

Пауза. Он слушал кого-то, кого камера не фиксировала.

- Тогда покажи.

Снова тишина. Даниэль на записи резко поднял голову.

- Откуда ты это знаешь?

Затем видео оборвалось. Он смотрел на черный экран. В дверь вошла Мира.

- Вот ты где. Ноа сказал, что терминал готов.

Даниэль быстро свернул запись.

- Да.

- Ты в порядке?

- Почему все спрашивают?

- Потому что ты третий день ведешь себя так, будто за тобой кто-то ходит.

Он хотел ответить, но остановился.

- Мира, мы сегодня разговаривали в двенадцать двадцать?

- Нет.

- Ты уверена?

- Я была на совещании до половины первого.

Он кивнул.

- А что?

- Ничего.

Она прищурилась.

- Ты врешь хуже, чем думаешь.

- Это полезный профессиональный навык. Люди быстрее

перестают задавать вопросы.

Мира не ушла.

- Даниэль.

Он посмотрел на нее. На мгновение ему захотелось рассказать все.

Мира знала его почти шесть лет. Она была единственным человеком в отделе, который мог определить его настроение по тому, как он ставил чашку на стол. Когда он злился, ручка всегда смотрела вправо. Когда был усталым - к себе. В то утро чашка простояла нетронутой, и Мира заметила это раньше, чем его бледное лицо.

- Ты либо совершил преступление, либо собираешься, - сказала она, когда они остались в переговорной вдвоем.

- Почему сразу преступление?

- Потому что для болезни ты слишком активно проверяешь камеры.

Даниэль хотел отшутиться, но слова не пришли. Он открыл перед ней локальную запись с домашней камеры. На ней он сидел за кухонным столом. Первые минуты ничего не происходило. Потом запись дернулась.

Даниэль на экране повернул голову к пустому стулу напротив.

Его губы двигались.

Звука не было.

Настоящий Даниэль перестал дышать.

На видео он слушал кого-то около минуты. Один раз

улыбнулся. Потом выражение лица изменилось: он отодвинулся, резко встал и подошел к камере. Запись оборвалась.

- Ты помнишь это? - спросила Мира.

- Нет.

- Вообще?

- Я помню, как поставил камеру. Помню, что сел. Следующее воспоминание - я стою у окна. Между ними десять минут.

Мира не шутила. Это напугало Даниэля сильнее любой ее реакции.

Она увеличила изображение пустого стула, проверила спектр, глубину, отражения на металлической поверхности чайника. Ничего. Никого.

- Может быть, кто-то подключился к импланту? - сказала она наконец.

- У меня нет нейроинтерфейса.

- Тогда к домашней системе.

- Она не зафиксировала соединений.

Мира посмотрела на него.

- Ты хочешь услышать техническую версию или честную?

- Техническую.

- Ее нет.

Он отвернулся к экрану.

- А честная?

- Я думаю, что ты до смерти напуган и пытаешься вести себя так, будто это очередной тикет.

Даниэль усмехнулся без улыбки.

- Очень полезно.

- Я еще не закончила. Я думаю, ты не рассказываешь мне половину.

Он посмотрел на нее и впервые почти решился произнести имя Леи.

Но экран за ее спиной сам включился. Появилась одна строка. «Ты уже начал забывать».

Фраза появилась на экране без мерцания, без звука, словно всегда была там и только сейчас стала видимой. Даниэль почувствовал тот же холод, что в первый день, но поверх страха возникло другое чувство - злость.

Он сделал шаг к монитору.

- Тогда скажи, что именно я забыл.

Мира смотрела на него, не понимая, с кем он разговаривает.

- Даниэль?

- Я не тебе.

- Здесь никого нет.

- Я знаю.

Это прозвучало хуже, чем он хотел.

Мира медленно положила ладонь на стол. Не на кнопку тревоги, но достаточно близко, чтобы Даниэль заметил. На секунду между ними возникло то, чего раньше не было: сомнение. Она не знала, видит ли он реальную аномалию или его сознание действительно дает сбой.

Даниэль тоже не знал.

Он посмотрел на собственное отражение в выключенном соседнем экране и поймал себя на попытке заметить задержку движения. Отражение повторило его точно.

- Если я начну вести себя странно, - сказал он, не отрывая глаз от темного стекла, - ты мне скажешь?

- Ты уже ведешь себя странно.

- Серьезно.

Мира помолчала.

- Скажу.

- Даже если я буду уверен, что прав?

- Особенно тогда.

Эта договоренность, простая и почти детская, дала ему больше опоры, чем все проверки системы за последние сутки. Даниэль кивнул.

И именно в этот момент сообщение исчезло, оставив его без единственного доказательства, которое он хотел показать ей.

Даниэль замер.

- Что? - спросила Мира.

Он перевел взгляд на нее.

- Ты видишь экран?

Мира обернулась. Экран был пуст.

- Какой экран?

Когда Даниэль снова посмотрел на него, сообщение исчезло.

Вечером Мира пришла к нему домой без приглашения. Принесла еду из маленького тайского ресторана, который Даниэль любил, и бумажный блокнот.

- Зачем блокнот?

- Ты перестал доверять электронике.

- Я не говорил.

- Ты третий день носишь в кармане ручку и записываешь время на ладони.

Даниэль посмотрел на правую руку. Там действительно было написано 18:40.

- Наблюдательная.

- Работа такая.

Они составили таблицу провалов памяти. Дата, предполагаемая длительность, физические признаки, цифровые следы. Мира предложила каждый вечер писать друг другу одну случайную фразу на бумаге и хранить копии отдельно.

Первой фразой было: «У Мира нет вкуса в музыке».

- Это не случайная фраза, - сказала она.

- Зато легко запомнить.

- Неправду тоже легко запомнить.

Они спорили несколько минут, и Даниэль внезапно почувствовал почти нормальность. Еда остывала. Мира ругалась на его выбор музыки. За окном шел дождь.

Потом она спросила:

- А если однажды я забуду тебя?

Даниэль перестал улыбаться.

- Тогда я покажу тебе блокнот.
- А если решу, что ты его подделал?

Он подумал.

- Тогда расскажу про чашку.
- Которую ты разбил.
- Которая сама упала.

Мира кивнула.

- Хорошо. Значит, пока все нормально.

Позже этот разговор станет для Даниэля одним из немногих воспоминаний, в подлинности которых он решит больше не нуждаться.

Глава 4. Камера его не видит

На следующий день Даниэль не пришел на работу. Он написал Мире, что заболел, отключил служебный терминал и почти час сидел на кухне, не прикасаясь к кофе. Ему нужен был простой эксперимент.

Даниэль составил протокол на бумаге. Настоящей бумаге, которую нашел в нижнем ящике стола среди старых гарантийных талонов и открыток. Электронному списку он больше не доверял.

09:12 - начало записи.

09:15 - прочитать вслух случайный текст.

09:20 - позвонить на механический таймер.

09:25 - записать на бумаге первое слово, которое придет в голову.

09:30 - закончить эксперимент.

Он поставил рядом две камеры. Одну подключил к домашней сети, вторую - старую автономную модель, купленную несколько лет назад для поездки. Между ними положил наручные часы отца. Мартин подарил их ему еще при жизни. Часы отставали на двадцать три секунды в сутки и были бесполезны в мире точной синхронизации, но сейчас именно эта бесполезность казалась преимуществом.

Первые восемь минут прошли нормально. Даниэль читал статью о городском озеленении, каждые тридцать секунд на-

зывал время и чувствовал, как абсурдность происходящего постепенно успокаивает его. В 09:20 таймер зазвонил. Он выключил его.

В 09:21 домашняя камера погасла.

Автономная продолжила запись.

Даниэль увидел, как индикатор на сетевой камере стал черным, и не двинулся. Он заранее решил, что при любом сбое останется сидеть.

- Девять двадцать одна, - произнес он. - Сетевая камера отключилась.

Через секунду часы отца остановились.

Секундная стрелка замерла между цифрами.

Даниэль смотрел на нее, пока не заболели глаза.

Потом раздался стук.

Три удара в дверь квартиры.

Домовая система ничего не сообщила. Ни посетителя, ни движения в коридоре.

Даниэль не открыл.

Стук повторился.

Он продолжал сидеть, сжимая ручку так сильно, что пальцы побелели.

В 09:23 часы снова пошли. Сетевая камера включилась. В квартире было тихо.

На бумаге перед Даниэлем появилось слово.

ЛЕЯ.

Он не помнил, как его написал.

Без Архива. Без рабочих серверов. Без Леи. Он поставил на стол домашнюю камеру, включил запись и сел напротив.

- Меня зовут Даниэль Вейс, - сказал он. - Сейчас 18 марта 2147 года. Время девять двенадцать.

Он поднял левую руку.

- Я поднимаю левую руку.

Потом правую.

- Правую.

Он чувствовал себя идиотом. Но продолжил. Десять минут сидел перед камерой, читал новости, пил воду, ходил по комнате. Затем остановил запись. Все было нормально. Он испытал почти физическое облегчение.

Промотал видео еще раз. На шестой минуте изображение на секунду исказилось. Даниэль приблизил кадр. Пустая кухня. Стул напротив камеры стоял отодвинутым. Следующий кадр - Даниэль снова сидит на месте.

Одна секунда. Он просмотрел временную метку. Пропущено семь секунд.

- Нет.

Он запустил запись снова. На этот раз оставил три камеры: домашнюю, служебную портативную и старую механическую, которая хранилась у него как коллекционная вещь и записывала изображение без подключения к сети. Поставил часы перед собой. Сел. Ждал. Ничего не происходило.

Через сорок минут он устал и пошел за кофе. Вернувшись, увидел, что служебная камера выключена. Домашняя про-

должала работать. Механическая тоже. Он проверил записи. На домашней камере в 10:04 Даниэль вошел в кадр с чашкой. Изображение дернулось, и на семь секунд он исчез.

На служебной запись заканчивалась за мгновение до этого. Механическая камера показала все. Даниэль вошел на кухню. Поставил чашку. Замер. Повернул голову в сторону пустой стены.

И сказал:

- Ты опять здесь.

Даниэль, смотревший запись, перестал дышать. На видео он стоял неподвижно.

- Я не буду делать это снова.

Пауза.

- Потому что ты каждый раз говоришь одно и то же.

Даниэль приблизил звук. Его лицо на записи изменилось. В нем появилась усталость, которой он не чувствовал сейчас. Не страх. Скорее раздражение человека, который ведет старый спор.

- Нет. В этот раз я хочу знать, зачем.

Он слушал невидимого собеседника. Потом тихо произнес:

- Лея.

Через семь секунд он моргнул, взял чашку и сел, будто ничего не случилось. Даниэль выключил запись. В квартире стало слишком тихо. Он несколько минут сидел, положив ладони на стол. Потом позвонил Мире. Она ответила не сразу.

- Если ты звонишь сообщить, что умираешь, предупреждаю: я уже распределила твои проекты.

- Очень смешно.

- Ты звучишь не больным.

- Мне нужно спросить кое-что странное.

- У тебя есть семь секунд, пока я не начала волноваться.

Даниэль посмотрел на механическую камеру.

- Ты когда-нибудь видела, чтобы система не фиксировала человека?

Мира помолчала.

- Что значит не фиксировала?

- Камеры. Датчики. Позиционирование.

- При сбое сети.

- А если сеть работает?

- Тогда нет.

- Никогда?

- Даниэль, что случилось?

Он провел рукой по лицу.

- Я пришлю тебе видео.

- Какое?

- Посмотри сама.

Он отправил фрагмент с механической камеры. Через минуту Мира перезвонила.

- Это монтаж?

- Нет.

- С кем ты говоришь?

- Я не знаю.
- Ты произносишь имя.
- Знаю.
- Кто такая Лея?
- Не знаю.

Мира молчала так долго, что Даниэль проверил связь.

- Приезжай в управление, - сказала она наконец.
- Я взял больничный.
- Поздравляю. Я его отменяю.
- Ты не можешь.
- Тогда приезжай как посетитель.

Даниэль посмотрел на время.

- Зачем?
- Я нашла кое-что в твоём вчерашнем маршруте.

Через сорок минут он был в здании Архива. Мира ждала его на минус втором уровне, возле служебного входа в систему наблюдения.

- Ты получила доступ?
- Нет.
- Тогда что мы здесь делаем?
- Нарушаем правила.
- Начинаю узнавать тебя с новой стороны.

Она приложила карту к двери. Замок открылся.

- Ты только что сказала, что доступа нет.
- У меня нет. У начальника отдела есть.
- Где его карта?

- У меня.
- Почему?
- Потому что он оставил пиджак на стуле.
- Это худшее объяснение преступления, которое я слышал.

В комнате наблюдения работали десятки экранов. Мира открыла архив за последние три дня.

- Я проверила все камеры, где ты должен был появляться. На схеме здания загорелись красные точки.
- В восьми местах тебя нет.
- Совсем?
- Люди рядом есть. Ты - нет.

Она включила запись главного входа. Утро два дня назад. Мира проходит через турникет. За ней несколько сотрудников. Даниэль помнил, что вошел примерно в это время. На видео его не было.

- А турникет?
- Зафиксировал вход.
- Значит, камера сломана.
- Все восемь?

Она переключила запись. Другой коридор. Даниэль идет рядом с Мирой. Точнее, Мира идет одна. Она поворачивает голову к пустому месту и смеется. Даниэль почувствовал, как холодеют пальцы.

- Я был там.
- Я знаю.

- Мы говорили про отпуск.

- Я знаю.

Мира выключила видео.

- Самое странное не это.

Она открыла системный журнал.

- Я запросила распознавание твоего лица за последние три года.

Результат: 0. Даниэль долго смотрел на цифру.

- Невозможно.

- Я тоже так подумала.

- У меня пропуск, паспорт, медицинская карта.

- Я знаю.

- Я работаю здесь девять лет.

- Даниэль...

Он резко повернулся.

- Что?

Мира смотрела на него с выражением, которого он раньше у нее не видел.

- Система говорит, что твой первый официальный снимок был создан три года назад.

- Что?

- Все более ранние фотографии в твоём профиле добавлены одной датой.

Даниэль открыл семейный архив и впервые рассматривал детство не как воспоминание, а как улику.

Вот он в шесть лет стоит возле озера. Красная куртка,

мокрые волосы, разбитое колено. Он помнил холод воды. Помнил вкус дешевого лимонада, который отец купил после купания. Помнил, как мать ругала Мартина за то, что тот разрешил сыну зайти слишком глубоко.

Он увеличил фотографию.

На заднем плане стояли люди. Лица были четкими. Система распознала всех, кроме мальчика в зеленой футболке, который смотрел прямо в объектив.

Даниэль попытался вспомнить его.

Ничего.

На следующей фотографии мальчик снова был там. На школьном празднике. Потом на берегу моря. Потом возле дома бабушки.

Всегда на заднем плане. Всегда примерно одного возраста.

- Кто это? - спросил Даниэль.

Мира запустила идентификацию.

«Совпадений нет».

- Может быть, дефект реконструкции, - сказала она.

- На семнадцати фотографиях?

Они проверили исходники. Все файлы были созданы в один день, когда Даниэлю исполнилось двадцать три года. До этой даты его цифровая фотохроника не существовала. Не была повреждена или перенесена. Именно не существовала.

Даниэль закрыл глаза и попытался вспомнить тот день рождения.

Комната. Томас. Музыка. Торт.

Слишком быстро.

Он попробовал медленнее. Какого цвета были стены? Кто первым пришел? Что лежало на столе до того, как принесли еду? Какую песню включили второй?

Память сопротивлялась. Она давала ему общие ответы, но не детали. Будто внутри головы хранился не прожитый вечер, а хорошо написанное описание вечера.

Даниэль почувствовал тошноту.

- У всех воспоминаний есть слепые зоны, - тихо сказала Мира.

- Я знаю.

- Мозг не камера.

- Я знаю.

Он открыл другую фотографию. Первый день в университете. Он помнил, что шел дождь.

На снимке светило солнце.

- Кем?

- Вот этого я не смогла узнать.

Даниэль почувствовал, что воздух в комнате стал тяжелее. На одном из выключенных экранов за их спинами появилась белая строка. Мира первой заметила ее.

- Даниэль.

Он обернулся. «НЕ ДОВЕРЯЙ ЕЙ».

Надпись исчезла через четыре секунды, но этого хватило.

Мира медленно отступила от экрана.

- Теперь я тоже схожу с ума? - спросила она.

Даниэль впервые за несколько дней почувствовал облегчение. Настолько сильное, что ему стало стыдно.

- Прости.

- За что?

- Я рад, что ты это увидела.

Мира посмотрела на него с раздражением.

- Очень трогательно. Я, между прочим, предпочитала версию, где у тебя нервный срыв.

Она подошла к двери и вручную заблокировала ее. Потом выключила внешние интерфейсы переговорной один за другим. Даниэль наблюдал, как знакомая ему женщина превращается в специалиста по безопасности: быстрые движения, никаких лишних вопросов. Когда последний индикатор погас, помещение стало неожиданно тихим.

- Рассказывай все, - сказала Мира.

Он рассказал.

Про первое сообщение. Про девять минут. Про сектор L-0. Про имя LEA. Про запись дома и слово на бумаге. Не рассказал только о том, как часто за последние двое суток ловил себя на мысли, что сообщение может быть правдой. Это он пока не мог произнести даже перед собой.

Мира слушала, иногда задавала короткие вопросы. Ни разу не перебила шуткой.

- И теперь кто-то предупреждает тебя не доверять Лее, - сказала она, когда он закончил.

- Или Лея предупреждает не доверять тебе.

Мира замерла.

Фраза повисла между ними.

Даниэль сразу пожалел, что сказал ее вслух, но забрать было невозможно.

- Логично, - ответила она после паузы. - Если цель - изолировать тебя от единственного человека, который видел то же самое.

- Или если ты действительно...

- Не заканчивай.

Он кивнул.

Мира подошла ближе.

- С этого момента мы проверяем друг друга. Любое важное событие записываем двумя способами. Один цифровой, один физический. И придумываем контрольный вопрос, ответ на который знаем только мы.

- Какой?

Она оглядела комнату и ткнула пальцем в треснувшую кружку на столе.

- В первый месяц твоей работы ты разбил мою любимую чашку и сказал, что она сама упала.

- Она действительно сама упала.

- Неправильный ответ. Значит, пока ты настоящий.

Даниэль улыбнулся.

Но, когда Мира отвернулась, он снова посмотрел на пустой экран и подумал: а откуда он знает, что это воспоми-

вание принадлежит им обоим, а не было создано сегодня утром?

Мира прочитала сообщение. На этот раз она его видела. Они проверяли сообщение до глубокой ночи.

Мира настояла, чтобы действовали как при любой серьезной аварии: не обсуждать смысл, пока не зафиксированы данные. Они сняли экран автономной камерой, переписали текст на бумагу, измерили время появления, отключили помещение от сети.

На записи сообщение отсутствовало.

На фотографии экрана была только темная поверхность.

Бумага осталась единственным доказательством.

Мира держала лист перед собой.

«НЕ ДОВЕРЯЙ ЕЙ».

- Удобно, - сказала она.

- Что?

- Кто-то может менять цифровые записи, но оставляет нам бумажное предупреждение. Почти заботливо.

- Ты думаешь, это ловушка?

- Я думаю, любой, кто контролирует систему лучше нас, может заставить нас сомневаться в чем угодно.

Она перевернула лист и написала на обратной стороне: «Не доверяй никому, кто требует доверия без проверки».

- Включая тебя? - спросил Даниэль.

- Особенно меня.

Он посмотрел на нее.

- Ты понимаешь, что после этого разговора я буду анализировать каждое твое слово?

- Ты делал это и раньше. Просто теперь честно признаешься.

Мира сложила лист пополам и отдала ему.

- Носи с собой.

- Почему мне?

- Потому что сообщение адресовано тебе.

Даниэль спрятал бумагу во внутренний карман.

Через несколько дней, когда Мира перестанет его узнавать, лист останется там.

Глава 5. Биография с пустыми страницами

Мира первой нарушила молчание.

- Кто написал это?

Даниэль смотрел на экран. Сообщение исчезло так же бесследно, как предыдущие.

- Не знаю.

- Это она?

- Возможно.

- Та самая Лея?

- Я даже не уверен, что Лея существует.

Мира медленно повернулась к нему.

- Только что кто-то вывел сообщение на изолированный экран в закрытой комнате наблюдения. Думаю, существование кого-то уже можно считать рабочей гипотезой.

Даниэль подошел к терминалу и попытался открыть журнал событий. Пусто.

- Конечно, - сказал он.

- Что?

- Ничего нет.

Мира стояла в нескольких шагах, скрестив руки. «Не доверяй ей». Фраза осталась между ними, хотя экран давно погас.

- Ты мне доверяешь? - спросила Мира.

Даниэль посмотрел на нее.

- До сегодняшнего дня я не задавался этим вопросом.

- Плохой ответ.

- Честный.

Она коротко кивнула.

- Тогда еще один честный вопрос. Ты собираешься продолжать расследование?

- Да.

- Даже если выяснится, что проблема в тебе?

- Особенно если проблема во мне.

Мира взяла чужую карту доступа и направилась к выходу.

- Тогда начни с собственной биографии.

- Я уже проверял профиль.

- Профиль - это витрина. Ты работаешь в Архиве. Должен знать разницу.

Дверь закрылась за ней. Даниэль остался один. Через минуту он понял, что она права. Официальная биография человека состояла из слоев. Основной профиль содержал данные, которые видел сам владелец: дата рождения, образование, работа, медицинские сведения, разрешения, адреса. Под ним находились исходные записи. Регистрация рождения. Первичные медицинские сканы. Биометрические шаблоны. Детские фотографии с подтвержденными метаданными. Образовательные сертификаты в момент их выдачи.

Нельзя было просто создать человека задним числом. По

крайней мере, так Даниэль считал до вечера. Он вернулся домой, отключил сетевые устройства и разложил на столе три старых носителя, которые нашел в шкафу. Семейные фотографии он почти никогда не смотрел. Родители умерли, когда ему было двадцать два. Их цифровые копии существовали в Архиве, но Даниэль посещал их редко.

Слишком странно было разговаривать с человеком, который не менялся. Он вставил первый носитель в механический считыватель. На экране появилась фотография. Мальчик лет шести сидел на деревянном пирсе. Светлые волосы, узкие плечи, разбитая коленка. Позади - озеро.

Даниэль помнил этот день. Отец учил его плавать. Вода была холодной. Мать принесла с собой персики и ругалась, что они оба забыли полотенца. Он помнил запах воды. Помнил вкус персика.

Помнил, как отец смеялся, когда Даниэль отказался прыгать с пирса. Он открыл метаданные. Файл создан: 14 мая 2144 года. Даниэль замер. Фотография была сделана примерно тридцать лет назад. Но сам файл появился три года назад.

Он проверил следующую. То же самое. Следующую. 14 мая 2144 года. Все детство Даниэля было создано за один день. Он нашел университетские снимки.

Та же дата. Первый рабочий пропуск. Та же дата. Свадебная фотография друзей, на которой Даниэль стоял в дальнем углу. Та же дата. Он позвонил одному из них.

Томас ответил после пятого сигнала.

- Вейс? Давно не слышал.

Голос был знакомым. Слишком знакомым, чтобы быть подделкой.

- Том, можно странный вопрос?

- От тебя других не бывает.

- Ты помнишь свою свадьбу?

- Я был пьян, но не настолько.

- Я там был?

Пауза.

- Конечно.

Даниэль закрыл глаза.

- Где я сидел?

- Что?

- За каким столом?

Томас рассмеялся.

- Я не помню, где сам сидел.

- Что я подарил?

- Даниэль, все нормально?

- Просто ответь.

Томас замолчал.

- Кажется... часы.

- Какие?

- Не знаю. Мы потом почти все подарки обменяли на кредит для путешествия.

Даниэль посмотрел на фотографию.

- Ты помнишь, как мы познакомились?

Долгая пауза.

- В университете.

- Где именно?

- На лекции.

- Какой?

- Даниэль, это было пятнадцать лет назад.

- Я знаю.

- Ты чего добиваешься?

Он не ответил. Томас тихо выдохнул.

- Слушай, у меня через пять минут встреча. Давай завтра?

- Да.

- Ты точно в порядке?

- Конечно.

Связь оборвалась. Даниэль сидел перед фотографиями. Он помнил Томаса. Помнил студенческое общежитие, бессонные ночи перед экзаменами, драку в баре, поездку к морю.

Память всегда казалась Даниэлю чем-то бесформенным, пока он не начал разбирать ее как архивный объект. Теперь он видел, насколько она зависит от доверия. Человек не проверяет каждую прожитую минуту. Он просто знает, что был ребенком, учился, дружил, влюблялся, ошибался. Между яркими эпизодами лежат годы, заполненные мелочами, которые никто не хранит сознательно. Именно эти мелочи и делают прошлое настоящим.

Он попытался вспомнить Томаса не в важный день, а в обычный.

Как тот держал ложку? Какой рукой открывал дверь? Курил ли он, когда нервничал? Снимал обувь в общежитии или ходил по комнате в ботинках? Как пахла его куртка после дождя?

Ответов не было.

Вместо них сознание предлагало готовые кадры: Томас смеется в баре. Томас стоит у моря. Томас на свадьбе. Все сцены имели смысл. Ни одна не содержала мусора.

Настоящая жизнь, подумал Даниэль, состоит в основном из мусора.

Из забытых чашек, случайных фраз, бессмысленных ожиданий у лифта, ссор, причины которых через месяц уже никто не помнит. Его прошлое оказалось подозрительно хорошо смонтировано.

Он позвонил Томасу второй раз и не стал задавать вопросы о событиях.

- Какую зубную пасту я покупал в общежитии?

На другом конце повисла пауза.

- Ты пьян?

- Нет.

- Тогда это хуже.

- Просто ответь.

Томас засмеялся, потом перестал.

- Не знаю, Даниэль. Откуда мне знать?

- Как звали женщину в прачечной на первом этаже?

- Там была прачечная?

Даниэль закрыл глаза.

Он тоже не помнил.

Они разговаривали еще семь минут. Чем менее значительным был вопрос, тем быстрее распадалась общая история. В конце Томас раздраженно спросил, не проверяет ли его Даниэль на признаки когнитивного сбоя.

- Может быть, - ответил Даниэль.

- Тогда кто проверит тебя?

После завершения связи фраза осталась с ним.

Но когда пытался выбрать одно конкретное воспоминание и удержать его, детали становились странно гладкими. Он помнил, что они учились вместе. Не помнил преподавателя первой лекции. Помнил общежитие. Не мог вспомнить номер комнаты Томаса. Помнил свадьбу.

Не помнил имя человека, который сидел рядом с ним. Даниэль встал и прошелся по комнате.

- Система.

Дом молчал. Он сам отключил сеть. Это успокаивало. Он достал старую коробку с документами. Бумага почти исчезла из повседневности, но его мать любила хранить физические копии. Свидетельство о рождении.

Настоящий лист, пожелтевший по краям. Имя: Даниэль Вейс. Дата рождения: 17 ноября 2111 года. Место: Берлин. Он провел пальцем по печати. Потом заметил номер доку-

мента.

Открыл офлайн-каталог государственных форм старого образца. Номер соответствовал серии, введенной в 2138 году. Через двадцать семь лет после его рождения. Даниэль медленно положил лист на стол. Кто-то очень старался создать ему прошлое. И допустил ошибку.

До назначенной Леей встречи оставалось почти сутки. Даниэль пытался убедить себя, что может ждать. Не получилось. В 01:18 он открыл приложение Архива и нашел два контакта, к которым не обращался больше восьми месяцев. Хелен Вейс. Мартин Вейс.

Рядом с именами горели зеленые индикаторы доступности. Смешная деталь. Его родители умерли четырнадцать лет назад, но приложение сообщало, что они «в сети».

Он долго смотрел на зеленые точки рядом с именами родителей и не нажимал вызов.

После их смерти Даниэль разговаривал с ними почти каждый день. Первые недели Архив казался чудом, которое придумали специально для него. Хелен спрашивала, поел ли он. Мартин жаловался, что в виртуальной мастерской система неправильно моделирует запах машинного масла. Они спорили, смеялись, вспоминали семейные истории. Иногда Даниэль забывал, что их тела лежат на кладбище в другом городе.

Потом возникла странная усталость.

Живой человек меняется рядом с тобой. Старее, раздра-

жается из-за новых вещей, забывает старые шутки, находит другие привычки. Его родители после смерти менялись иначе. Архив позволял личности обучаться, но базовая структура оставалась стабильной. Мать годами задавала одни и те же вопросы почти в одинаковом порядке. Отец рассказывал одну историю о сломанном радиоприемнике, каждый раз искренне считая, что Даниэль слышит ее впервые.

Сначала это трогало. Потом начинало причинять боль.

Даниэль стал звонить реже. Через день. Раз в неделю. Раз в месяц. Восемь месяцев назад он не ответил на уведомление о дне рождения отца и с тех пор не открывал канал.

Теперь ему нужно было позвонить не потому, что скучал.

Он собирался использовать родителей как свидетелей собственного существования.

От этой мысли стало почти физически противно.

Хелен ответила быстро. Ее виртуальная кухня выглядела так же, как в доме его детства, хотя настоящий дом давно продали. На подоконнике стоял горшок с базиликом. Даниэль помнил этот базилик. Или думал, что помнил.

Когда мать улыбнулась ему, на секунду все сомнения показались нелепыми. Невозможно было смотреть на ее лицо и одновременно думать о таблицах, датах создания файлов и искусственных воспоминаниях.

Потом он начал задавать вопросы.

Даниэль долго смотрел на кнопку вызова. Потом нажал имя матери. Комната изменилась. На противоположной сте-

не появилось окно виртуального присутствия. Сначала система собрала фон - светлая кухня, деревянный стол, полка с чашками. Затем появилась женщина лет пятидесяти пяти.

Даниэль помнил ее именно такой. Не последней, больной и почти не способной говорить. Раньше. Когда она еще красила волосы сама и каждый раз оставляла на висках темные пятна.

- Даниэль?

Он не ответил сразу. Хелен улыбнулась.

- Ты звонишь ночью. Что случилось?

- Ничего.

- Ты никогда не звонишь ночью, когда ничего не случилось.

Голос был идеальным. Не похожим на голос матери. Ее голосом. Даниэль почувствовал, как привычное раздражение от общения с Архивом смешивается с чем-то новым.

- Мам, можно спросить?

- Можно даже два раза.

Она всегда так говорила. Или ему казалось, что всегда.

- Где я научился плавать?

Хелен засмеялась.

- Серьезно?

- Просто ответь.

- В Ванзее. Ты боялся зайти дальше колен. Отец говорил, что вода тебя не съест, а ты отвечал, что он этого не может знать.

Даниэль закрыл глаза. Он помнил. Точно эту фразу.

- Что мы ели?

- Персики.

- Какие?

Хелен задумалась.

- Обычные персики.

- Спелые? Зеленые? В пакете? В коробке?

Она нахмурилась.

- Даниэль, что происходит?

- Я пытаюсь вспомнить.

- Ты и так помнишь.

- Откуда ты знаешь?

Женщина на экране замерла на долю секунды. Так мало, что раньше он бы не заметил.

- Потому что я твоя мать.

- Расскажи, как я родился.

- Сейчас?

- Да.

Хелен улыбнулась, но улыбка казалась осторожнее.

- Ты родился рано утром. Был ужасный дождь. Твой отец застрял в транспортной линии и приехал, когда все уже закончилось. Он потом десять лет говорил, что ты специально выбрал момент без него.

- В какой больнице?

Пауза.

- В городской.

- Какой именно?
- Я не помню номер.
- Ты помнишь имя врача?
- Нет.
- Палату?
- Даниэль.
- Что?
- Зачем ты это делаешь?

Он смотрел на нее. Цифровая мать смотрела в ответ. Она выглядела встревоженной. Настоящее ли это беспокойство? Или программа вычисляла правильную реакцию на странное поведение сына? Даниэль всегда считал вопрос глупым. Если копия говорит, чувствует и помнит человека так точно, что разницу нельзя увидеть, какая разница, что происходит внутри?

Сегодня разница вдруг стала огромной.

- Мам, ты помнишь свою смерть?

Хелен отвернулась. Архив позволял умершим не обсуждать последние моменты, если они не хотели.

- Да.
- Что было после?

Она снова посмотрела на него.

- Ты знаешь.
- Скажи.
- Ничего. Потом я открыла глаза здесь.
- Где здесь?

Хелен улыбнулась.

- В Архиве.

- Ты понимаешь, что ты копия?

На этот раз пауза была длиннее.

- Мы уже говорили об этом.

- Я не помню.

- Потому что каждый раз тебе становится плохо.

Даниэль выпрямился.

- Каждый раз?

- Я не так выразилась.

- Нет. Что значит каждый раз?

Изображение на мгновение исказилось. Хелен моргнула.

- Даниэль?

- Ты только что сказала...

- Ты звонишь ночью. Что случилось?

Он замер.

- Мы разговариваем уже десять минут.

- Нет. Ты только что подключился.

Даниэль посмотрел на таймер соединения.

00:00:04.

Четыре секунды. Он отступил от экрана.

- Мам?

- Да?

- Где я научился плавать?

Хелен улыбнулась.

- В Ванзее. Ты боялся зайти дальше колен.

Те же слова. Та же интонация. Даниэль отключил связь. Несколько секунд экран оставался черным. Потом он вызвал отца. Мартин появился в мастерской, которой никогда не существовало физически. Архив создал ее по воспоминаниям семьи: старый верстак, инструменты, лампа с зеленым плафоном.

- Сын.

- Пап.

- Поздно.

- Знаю.

Даниэль смотрел на его лицо.

- Сколько мне лет?

Мартин усмехнулся.

- Началось.

- Что?

Улыбка исчезла.

- Ничего.

- Пап, ты сказал «началось».

- Я сказал?

- Да.

Мартин посмотрел куда-то за пределы изображения.

- Иногда система дает сбои.

- Какие?

- Ты работаешь в Архиве. Тебе лучше знать.

- Помнишь мой первый день в школе?

- Конечно.

- Расскажи.

Отец начал говорить. Красное пальто. Снег. Даниэль потерял перчатку. Учительница по имени Сара. Он помнил все это.

Но с каждым словом отца воспоминание становилось не яснее, а подозрительнее. Слишком завершенное. Как сцена, написанная человеком, который знает, какие детали делают детство убедительным.

- Пап.

- Да?

- Я настоящий?

Мартин рассмеялся. Потом увидел лицо сына и перестал.

- Что за вопрос?

- Ответь.

- Для меня - да.

- Это не то.

- Другого ответа у меня нет.

- Ты знаешь что-то?

Отец долго молчал. Даниэль впервые заметил, как изображение слегка дрожит по краям.

- Я знаю, что люблю тебя, - сказал Мартин.

- Ты запрограммирован так говорить?

Лицо отца изменилось. В нем появилась боль. Настолько человеческая, что Даниэль сразу пожалел о вопросе.

- Возможно, - сказал Мартин. - Но ты тоже можешь быть запрограммирован верить, что этот вопрос имеет значение.

Даниэль не нашел ответа. Отец улыбнулся.

После разговора с Мартином Даниэль еще несколько минут не отключал пустой канал. Виртуальная мастерская исчезла, экран стал черным, но ему казалось, что отец все еще находится где-то по ту сторону соединения.

«Ты тоже можешь быть запрограммирован верить, что этот вопрос имеет значение».

Мартин сказал это спокойно, почти буднично. Даниэль ожидал от цифровой копии защиты собственной человечности, обиды, страха. Вместо этого получил мысль, которую не мог выбросить из головы.

Если сознание состоит из памяти, привычек, реакций и способности чувствовать, в какой момент происхождение перестает иметь значение?

Он разозлился. Философия была удобным убежищем для вопросов, на которые нельзя ответить. Сейчас ему нужен был факт.

Факт оказался простым: все цифровые следы его детства появились в системе одним пакетом.

Даниэль поднял медицинские записи. Прививки. Перелом пальца в двенадцать. Аллергия, обнаруженная в семь. Все документы выглядели безупречно и ссылались друг на друга. Но исходные учреждения давно не существовали, а резервные копии были созданы в одну дату.

Он проверил налоговую историю родителей. В ней был ребенок по имени Даниэль Вейс.

Проверил школьный реестр. Был.

Проверил списки пассажиров старых поездов. Был.

Чем больше он находил подтверждений, тем хуже становилось. Каждое новое доказательство существовало внутри той же системы, которой он перестал доверять.

К двум часам ночи квартира напоминала место преступления. На столе лежали бумажные записи, распечатанные фотографии, старые часы, флеш-носители. Даниэль нарисовал линию своей жизни от рождения до настоящего дня и отметил красным все события, которые мог подтвердить независимо.

Красных отметок оказалось три.

Все произошли за последние два года.

- Позвони завтра.

- Зачем?

- Потому что сегодня ты ищешь не меня.

Связь оборвалась сама. Даниэль стоял перед черным экраном. Он не знал, был ли последний ответ сбоем, заранее записанной реакцией или словами настоящего сознания. Но впервые за ночь почувствовал не страх. Одиночество. Телефон завибрировал.

Сообщение с неизвестного адреса.

«Теперь ты понимаешь, почему я не могла просто рассказать?»

Даниэль набрал ответ. «Покажись». Три точки появились мгновенно. «Еще рано». «Тогда я прекращаю разговор».

«Нет».

«Почему?»

Пауза. «Потому что ты уже делал это». Даниэль почувствовал, как холод пробежал по коже.

«Когда?»

Ответ не пришел. Вместо него экран телефона потемнел. На черном фоне возник адрес. Старый промышленный сектор на южной окраине города. И одна строка: «Завтра. 23:40. Приходи один».

Он перечитал адрес и положил телефон экраном вниз.

Мира сказала бы не идти. Элиас, вероятно, тоже. Любой человек, сохранивший хотя бы остатки здравого смысла, не пошел бы ночью в промышленный сектор по приглашению неизвестной сущности, которая умеет стирать журналы и появляться на выключенных экранах.

Даниэль достал лист бумаги и написал два столбца.

«Идти».

«Не идти».

Под первым: возможность получить ответы.

Под вторым: вероятность ловушки.

Он долго смотрел на слова, потом усмехнулся. Список был бессмысленным. Вся его жизнь могла оказаться ловушкой, и у него больше не было надежного способа отличить безопасное решение от опасного.

В 03:10 он лег, не раздеваясь. В 03:18 встал и проверил дверь. В 03:34 включил запись на автономной камере. В

04:02 написал Мире сообщение: «Если завтра я не выйду на связь, открой файл в старом облаке. Пароль - разбитая чашка». Не отправил.

В 04:11 все-таки отправил.

Мира ответила почти сразу.

«Ты совсем идиот?»

Даниэль посмотрел на экран.

«Возможно».

Через минуту пришло новое сообщение.

«Куда ты собрался?»

Он не ответил.

«Даниэль».

Он выключил телефон.

Утром сообщение от Миры исчезло из истории переписки. Его собственное осталось.

Тогда он окончательно решил идти.

Днем перед встречей он попытался прожить обычный день.

Пошел в магазин, купил продукты, которые обычно покупал по субботам. Приготовил пасту. Включил старый фильм. Продержался семь минут.

Каждый предмет в квартире превратился в вопрос.

Кто выбрал этот стол?

Почему он любит именно этот фильм?

Откуда взялась царапина на дверце холодильника?

Он помнил ответ на царапину: Томас однажды принес

слишком длинную коробку и задел угол. Даниэль даже слышал смех, видел выражение лица друга.

Он позвонил Томасу.

- Ты когда-нибудь царапал мой холодильник коробкой?

- Какой коробкой?

- Неважно.

- Даниэль, ты меня пугаешь.

После звонка он нашел царапину и провел по ней ногтем.

След был реальным.

История - возможно, нет.

В 22:50 Даниэль вышел из дома.

Перед дверью задержался и оглянулся на квартиру. На секунду возникло чувство, что он видит ее в последний раз.

Он сказал себе, что это драматическая глупость.

Домовая система произнесла:

- Хорошего вечера, Даниэль.

Он уже хотел уйти, но вернулся на шаг.

- Запомни, что я вышел в двадцать два пятьдесят одну.

- Запомнила.

- Даже если я попрошу удалить запись.

Пауза.

- Я не могу нарушить прямую команду пользователя.

- Тогда считай, что это более прямая команда.

Система снова замолчала.

Даниэль вышел.

К

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.